

**«Шлангенбадские беседы»
Девятая встреча**

**«Билатерализм или мультилатерализм?
Возможности и границы особых отношений
между Россией и Германией»**

Шлангенбад, 27 - 29 апреля 2006 года

Организаторы:

**Фонд имени Фридриха Эберта, Представительство в РФ, Москва.
Франкфуртский институт проблем мира и исследования конфликтов,
Франкфурт-на-Майне**

в сотрудничестве

с

**Фондом «Единство во имя России», Москва,
Представительством Фонда имени Конрада Аденауэра в РФ, Москва.**

Протокол: **Керстин Циммер
Виктория Борисова**

В центре внимания участников IX Шлангенбадских бесед находились четыре основные темы: смена правительства в Германии и ее последствия для российско-германских отношений, проблема распада государств как вызов гуманитарной политике и политике безопасности международного сообщества, энергетические отношения между Европой и Россией и, наконец, роль Польши в российско-германских отношениях.

Началом бесед 2006 года послужило вечернее выступление бывшего Федерального министра юстиции, **ХЕРТЫ ДОЙБЛЕР-ГМЕЛИН**, посвященное, прежде всего, вопросу развития гражданского общества в России. Степень развития гражданского общества в России критически оценивается в Германии и горячо обсуждается, прежде всего, в кругах, тесно сотрудничающих с Россией. Озабоченность по поводу состояния гражданского общества в России основана не только на публикациях СМИ, но и, прежде всего, на беседах с российскими коллегами в рамках парламентарных собраний Европейского Совета, а также на личном опыте. Однако можно указать и на позитивные аспекты. В качестве примера г-жа **ДОЙБЛЕР-ГМЕЛИН** привела российско-польско-германскую программу по обмену студентами, которая стимулирует контакт и обмен опытом между молодыми людьми. Однако подобного рода программы зачастую сталкиваются с проблемой недостаточного финансирования со стороны государств и вынуждены обращаться за финансовой поддержкой к частным предприятиям. Г-жа **ДОЙБЛЕР-ГМЕЛИН** отметила, что за сходными формулировками, которыми пользовались молодые участники обмена, зачастую скрывались различные значения и представления о будущем. Важно преодолеть разницу во взглядах и в опыте, причем незаменимы личные контакты.

Обращаясь к основной теме IX Шлангенбадских бесед, г-жа **ДОЙБЛЕР-ГМЕЛИН** выразила понимание сильной заинтересованности России в неизменности курса немецкой внешней политики при новом правительстве. При этом она напомнила, что и после смены правительства в 1998 году было неясно, какое направление примет политика Германии. Однако наиболее вероятно дальнейшее развитие успешного сотрудничества, причем не только благодаря влиянию социал-демократической части коалиции. Канцлер Ангела Меркель также не планирует изменений в содержании германской политики по отношению к России. Этот факт подтвердился и во время встречи глав правительств России и Германии в Томске.

Далее в дискуссии **СЕРГЕЙ МАРКОВ** отметил, что даже между молодежью России и Украины существуют различия в плане восприятия определенных тем и терминов. Отвечая на его вопрос о том, чем обусловлены эти различия, г-жа **ДОЙБЛЕР-ГМЕЛИН** указала на разницу в традициях и опыте. Так, молодые люди из Германии, России и Польши расходятся во мнениях по вопросу передачи национального суверенитета в пользу супранациональных организаций, как видно на примере Судебной Палаты по Правам человека в Страсбурге. Немецкая молодежь нормально относится к тому, что эта инстанция может критически отзываться о действиях немецкого правительства. Передача национального суверенитета воспринимается не как потеря, а в целом как повышение эффективности «института по правам человека». Российская сторона, напротив, видит в этом однозначное посягательство на национальную честь, а польская молодежь не имеет четкого мнения на этот счет.

Продолжая тему обмена молодежи и студентов, **ПЕТЕР ШУЛЬЦЕ** отметил, что проблема заключается не столько в недостаточном финансировании со стороны государства или частных лиц, сколько в правовых нормах. Он высказался за повышение свободы передвижения студентов, например, путем упрощения визовых процедур.

Первое заседание:

«Большая коалиция – небольшие изменения?»

Новая германская политика в отношении России

Открывая заседание, **ХАНС-ЙОАХИМ ШПАНГЕР** указал на смещение акцентов в программе IX Шлангенбадских бесед. В то время как до сих пор освещались почти исключительно проблемы России, на этот раз больше внимания будет уделено Германии, чтобы сделать общение более симметричным и преодолеть впечатление, что именно

Россия является камнем преткновения. Прежний подход, разумеется, был обусловлен и глубинными переменами в России, однако политический вес самой Германии так велик, что германская политика в отношении России не может зависеть только от российских событий. Г-н

ШПАНГЕР отметил, что наблюдается постоянство российско-германских отношений в том смысле, что каждая смена правительства сопровождается периодом отстраненности – возвращением к таким центральным параметрам немецкой внешней политики, как интеграция в западном направлении и общность демократических ценностей. Однако ретроспектива последних лет показывает важность России; так, например, объединение Германии стало возможным только в сотрудничестве с Советским Союзом, а сегодня Россия – наряду с Китаем – является самым динамичным экономическим партнером Германии.

РОЛЬФ МЮТЦЕНИХ в начале выступления сослался на Коалиционное соглашение, которое определяет политику германского правительства и свидетельствует как о преемственности, так и об определенных переменах. Преемственность при этом не означает полное отсутствие какой-либо динамики. Необходимо реагировать на перемены. Политика ведется в определенных условиях, с которыми должны считаться политики, независимо от их партийной принадлежности. К таким условиям относится окончание противостояния между Востоком и Западом, расширение Европейского Союза, последствия глобализации, фрагментация и перекосы в международных отношениях, заинтересованность в энергоснабжении и, наконец, основополагающие ценности, выраженные в партийных программах и в общественном мнении. Кроме того, внешняя политика определяется многочисленными международными соглашениями.

Обе партии, как ХДС, так и СДПГ, особенно заинтересованы в развитии России. Важной целью является создание в разных странах структур, обеспечивающих мирное сосуществование. К таким структурам относятся государственная монополия на применение силы, правовое государство, защищающее граждан от государственного произвола, а также демократическое участие населения, подразумевающее не только существование партий, но и НКО, СМИ, а также критического общественного мнения. В этих критериях заинтересованы сами государства, так же, как и в эффективной экономике и социальной справедливости. Долгосрочная стратегия должна опираться на конструктивный подход к решению конфликтов, не только обеспечивающий защиту государственных интересов во внешней политике, но и отражающийся на внутренней ситуации. Нужно допустить диалог, критический обмен мнениями. Важно сблизить не только институты, но и людей.

В заключение господин **МЮТЦЕНИХ** отметил, что экономические отношения являются мостом и основой российско-германских отношений. Необходимо усилить их посредством прямых инвестиций. В сфере политики безопасности необходимо сотрудничество по таким странам, как Иран и Палестина. Измененный Договор об обычных вооруженных силах в Европе должен, наконец, вступить в силу. В целях демократического развития нужно развивать НКО в России и обеспечить спокойную работу таких организаций, как Фонд им. Конрада Аденауэра или Фонд им. Фридриха Эберта в России. В 2007 году необходимо разработать новое Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и

Россией.

ЭРИХ ФРИТЦ подчеркнул, что преимущество в отношениях между Германией и Россией сильнее, чем считает г-н **МЮТЦЕНИХ**, так как она является основой предсказуемости и эффективности германской внешней политики. Германия и после смены правительства по-прежнему заинтересована в стабильном социальном, демократическом и экономическом развитии России. Г-н **ФРИТЦ** заметил, что богатым странам труднее даются изменения. Это относится как к Германии, так и, на данный момент, к России, где высокие доходы от продажи энергоресурсов тормозят реформы. Необходима партнерская дискуссия, в рамках которой могут обсуждаться и трудности Германии. Существует заинтересованность в интенсивном сотрудничестве, так как оно дает преимущества в сфере экономической политики и политики безопасности. Решение вопросов безопасности в Европе невозможно без участия России. Кроме того, важно позаботиться о надежном энергоснабжении и наладить экономическое сотрудничество. Для Германии Россия является важным рынком сбыта и надежным партнером в области энергетической безопасности; тем не менее, необходима определенная диверсификация поставок. Вступление России в ВТО станет еще одной основой для стабильных отношений. Но это означает, что России нужно приготовиться к переменам и

«чрезмерным требованиям». Еще один важный аспект - это совместная борьба с терроризмом и международной организованной преступностью.

Оба государства несут глобальную ответственность за нераспространение оружия массового уничтожения. Благодаря участию России переговоры с Ираном не зашли в тупик еще на ранней стадии. По отношению к Палестине понятна позиция ЕС, указывающего на право Израиля на существование. Но в этом случае хорошо, что Россия является динамичным партнером. Сочетание надежности и разделения ролей можно оценить положительно. В отношениях России и ЕС необходимо учитывать, что основа ЕС - не только общность интересов, но и ценностей. Г-н **ФРИТЦ** ожидает, что по Соглашению о партнерстве и сотрудничестве найдется промежуточное решение, так как вряд ли до истечения срока настоящего договора будет заключен новый, а простое продление не удовлетворит Россию. В Совете Россия-НАТО также необходимы изменения. В конце концов, нужно прояснить отношение к таким государствам, как Украина.

Вячеслав Никонов во вступительной реплике отметил, что личности в истории всегда играли особую роль. Однако российско-немецкие отношения институционализированы и не зависят от личностей. Отношения с Польшей не представляют угрозы для российско-германского взаимодействия. Тема российской демократии и соблюдения прав человека также не вредит сотрудничеству. Встреча в Томске президента Владимира Путина и канцлера Ангелы Меркель показала, что диалог развивается удовлетворительно, и нельзя говорить о кризисе в отношениях между Россией и ЕС. Налажены экономические отношения, есть инвестиции таких концернов, как «Сименс», «Фольксваген» и «Даймлер Крайслер», хотя торговый обмен между нашими странами мог бы быть и больше. В качестве примера г-н **Никонов** указал на успешное сотрудничество между Россией и Китаем.

Россияне, в целом, очень положительно относятся к Германии. Социологические опросы показывают, что Германия воспринимается как дружественный партнер, и только один процент россиян считает, что от этой страны исходит угроза. Антигерманские настроения являются лишь реакцией на русские переводы немецких статей о России. **Оливер Вик** в этом контексте отметил во время дискуссии, что в германском общественном мнении, напротив, преобладает негативное отношение к России.

По мнению г-на **Никонова**, «Газпром» является надежным партнером. Во время газового конфликта между Россией и Украиной «Газпром» был прав в экономическом и правовом отношении, но действовал при этом неловко. Именно Украина, которая, в отличие от России, ратифицировала Энергетическую Хартию, нарушила многие договоренности. Однако в Европе ситуацию истолковали иначе, посчитав, что Россия воспользовалась зависимостью Украины. Итак, в этом конфликте каждая сторона считает себя правой. Стремление Европы сократить зависимость от российских поставок газа

Екатерина Зотова, Павел Золотарев

вызвало ответную реакцию с российской стороны. Если нет уверенности, что партнеры будут придерживаться принятых ими обязательств, для «Газпрома» важно искать другие рынки сбыта, например, в Китае.

Проблемными регионами для отношений, по мнению г-на **НИКОНОВА**, являются не Иран и не Ближний Восток. Гораздо серьезнее положение в Беларуси. Россия предпочитает решать эту проблему самостоятельно, без вмешательства ЕС, дабы избежать прихода к власти преемника типа Ющенко. Косово рассматривается Россией как прецедент для решения «замороженных конфликтов». В случае признания независимости Косово обострится вопрос Осетии и Абхазии. Кроме того, проблемой является возможное вступление Украины в НАТО. Российская реакция будет бурной и может привести к кризису в отношениях.

ВЛАДИМИР РЫЖКОВ подчеркнул исключительность российско-немецких отношений. Они были выдающимися и при Герхарде Шредере, и при Гельмуте Коле, и при Гельмуте Шмидте. Это было не только заслугой отдельных личностей, но и вопросом основополагающих факторов и интересов. Обсуждая возможности и границы дальнейшего развития отношений, г-н **РЫЖКОВ** указал на качественно различные уровни сотрудничества. Россия и Германия не являются союзниками, поскольку Россия не состоит ни в ЕС, ни в НАТО. На более низком уровне находится договор об ассоциации. Срок действия Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Россией истекает в 2007 году. Пока есть только желание расширить четыре пространства между ЕС и Россией после продления соглашения, реального прогресса пока не наблюдается. Остается третий уровень сотрудничества – простое партнерство, т. е. взаимодействие в вопросах, по которым достигается согласие, и отсутствие сотрудничества в спорных вопросах. Здесь видны границы отношений: вступление Украины и Грузии в НАТО может затронуть и российско-германские отношения. Это связано с российско-украинским военно-промышленным комплексом, Черноморским флотом и радарными станциями раннего предупреждения на территории Украины. Таким образом, затронуты жизненно важные интересы России. Аналогичная ситуация сложилась в Абхазии и Осетии, где расположены российские военные базы. Кроме того, существует проблема вступления России во Всемирную торговую организацию. Президент США Буш выдвигает все новые требования по отношению к России, а поправка Джексона-Вэника все еще действует.

Обращаясь к вопросу энергетики, г-н **РЫЖКОВ** отметил, что, в том числе, и в Шлангенбаде, достаточно часто велись дискуссии об Энергетической Хартии. Однако, несмотря на успешное сотрудничество, оценки и интересы принципиально различаются. В сфере прямых инвестиций и торговли между Германией и Россией возникает проблема доступа на российский рынок. Единых условий в этой области не существует, а правительство часто принимает единичные решения по советскому принципу. Тем не менее, иностранные компании находятся, в общем и целом, в более защищенном положении, чем российские. В СНГ Беларусь оказывается главным предметом конфликтов между Россией и ЕС, однако Россия пересматривает свою позицию. Это видно на примере поведения концерна «Газпром», который собирается приблизить цены на газ в Беларуси к европейскому уровню. К сожалению, в России усиливаются авторитарные тенденции, выражающиеся в ограничении деятельности СМИ и НКО и в росте

государственного сектора. Все это относится к тем препятствиям, которые затрудняют реализацию огромного потенциала российско-германских отношений.

Последующая дискуссия затронула не только двусторонние отношения между Россией и Германией, но и широкий спектр вопросов, прежде всего, позицию России по отношению к странам ЕС и НАТО, а также уровень взаимной энергетической зависимости. **ЭВАЛЬД БЕЛЬКЕ** задал вопрос о целях немецкой внешней политики в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе. **ГЮНТЕР ХЕЛЛЬМАНН** обратил внимание участников на смещение акцентов в немецкой внешней политике в отношениях с США и ЕС, которое повлияло на политику в отношении России. **А ОЛИВЕРА ВИКА** интересовали ответы российской стороны на конфликты в Грузии, в Косово и в Украине. К немецким политикам он обратился с вопросом о дальнейшем развитии Соглашения о партнерстве между ЕС и Россией.

В связи с этим **КЛАУС ВИТТМАНН** отметил, что принятие Украины в НАТО нельзя назвать экспансией НАТО, а, скорее, расширением по принципу политики «открытых дверей». России необходимо задуматься, почему и Польша, и Венгрия, и прибалтийские государства стремились в НАТО, и в чем заключается привлекательность этой организации. На это **ПЕТЕР ШУЛЬЦЕ** возразил, что никто не заинтересован в дестабилизации «серой зоны» и что быстрое вступление Украины в НАТО, вероятнее всего, еще больше обострит конфликтный потенциал. Г-н **НИКОНОВ** указал на то, что, по крайней мере, в Украине, общественное мнение не одобряет вступления в НАТО. А г-н **РЫЖКОВ** рекомендовал воздержаться от быстрых и резких шагов. Членство Украины и Грузии в НАТО связано с уходом президента Буша. Обращаясь к теме переговоров России и ЕС, он подчеркнул, что Соглашение о партнерстве и сотрудничестве совершенно устарело и нуждается в глубоких изменениях. Речь идет об определенных формах ассоциации, а не о членстве. Важно лучше реализовать и определить четыре общих пространства.

СЕРГЕЙ МАРКОВ подчеркнул, что, по его мнению, важные угрозы исходят не от отношений России и Германии. Эти государства скорее стали заложниками внешних факторов. Так, вступление Украины в НАТО – это американская идея, сужающая поле действия европейской политики безопасности и обороны. Г-н **МАРКОВ** указал на некоторые моменты, важные для продолжения российско-немецкого сотрудничества: 1) развитие концепции четырех пространств; 2) внутренние законы в Латвии и Эстонии и правовая ситуация российских граждан; 3) стратегическое экономическое партнерство и создание общей экономической зоны; 4) принятие России в ВТО на общих условиях; 5) поддержка позитивного развития отношений между Россией и ее соседями, к примеру, между Россией и Украиной; 6) открытие рынка высоких технологий, как, к примеру, атомного производства.

ХАЙНЦ ТИММЕРМАНН указал на то, насколько ситуация с обеих сторон изменилась с 1991 года. Тогда ЕС воспринимался как потенциально супранациональное образование, а Россия двигалась в западном направлении. Сегодня ЕС скорее имеет характер конфедерации, а в России наблюдаются постимперские черты. Затем г-н **ТИММЕРМАНН** обратился к теме Беларуси, которая является крупной проблемой в российско-германских отношениях. В Германии был проявлен огромный интерес к результатам белорусских

выборов. Оценка выборов европейскими наблюдателями существенно отличалась от оценки наблюдателей из СНГ. Стабильность в Беларуси может поддерживаться только с помощью России. Рост торговли с ЕС возможен только за счет закупки дешевой российской нефти и перепродажи нефтепродуктов на Запад.

ЭРНСТ-ЙОРГ ФОН ШТУДНИЦ, отталкиваясь от высказывания г-на **НИКОНОВА** о замороженных конфликтах, подчеркнул, что политические проблемы возникают, если воспринимать Косово как прецедент и не принимать во внимание отличия ситуации в Приднестровье, Абхазии и Нагорном Карабахе. В Косово, в отличие от других регионов, речь идет о крушении югославского государства. На это г-н **НИКОНОВ** возразил, что между Косово и конфликтами на постсоветском пространстве существует больше общих черт, чем различий.

ХАННЕС АДОМАЙТ констатировал, что российская внешняя политика ведется в новой атмосфере осознания собственной силы. Это видно на примере ядерного конфликта с Ираном. Как, поинтересовался г-н **АДОМАЙТ**, оценить поставки зенитных ракет, идущие вразрез с курсом международного сообщества? На это г-н **НИКОНОВ** заметил, что отказ от поставок привел бы к потере выгодных договоров, что противоречило бы интересам России.

Вольфрам Шреттль

МИХАИЛ ДЕЛЯГИН в своем комментарии отметил, что как российско-германские отношения, так и отношения России и ЕС отнюдь не ограничиваются официальными договорами. Существует обоюдная зависимость, основанная на более широкой системе неформальных «пактов» между Россией и Западом. В России активно продолжается процесс «государствления», и часть политики России заключается в том, что она просто не реагирует на некоторые политические вопросы. Запад же в обмен на молчание получил доступ на российскую территорию и увеличивает объем инвестиций. Г-н **ДЕЛЯГИН** указал на то, что Россия в высшей степени зависима от прибыли от экспорта энергоресурсов. Кроме того, объем импорта из стран ЕС велик, в то время как уровень российских инвестиций в ЕС низок. **ВОЛЬФРАМ ШРЕТТЛЬ** не согласился с этим, отметив, что

объем российских инвестиций на западном рынке превышает объем инвестиций Запада в России, особенно с учетом незарегистрированных инвестиций.

ВИЛЬХЕЛЬМ ХАНКЕЛЬ поддержал мысль г-на **РЫЖКОВА** о том, что экономические системы Германии и России удаляются друг от друга. Германия – страна крупных менеджеров, а в России ключевое значение имеют опытные государственные политики. На Западе в процессе глобализации и европейской интеграции государство отказывается от полномочий в сфере регулирования. В России же снова усиливается роль

государственного сектора. Г-н **ХАНКЕЛЬ** положительно оценил тот факт, что российское государство не отказывается от своих компетенций, так как полное отсутствие ограничений свободы торговли ведет к проблемам. Г-н **ШУЛЬЦЕ** в этой связи указал на асимметрию, так как дееспособность российского государства растет, а полномочия ЕС уменьшаются. Надежда на то, что ЕС может повлиять на ситуацию, не оправдалась.

На вопрос **МАНФРЕДА ЗАППЕРА** о том, что, по мнению российской стороны, должно измениться в германской и европейской политике ввиду авторитаризма, **АЛЕКСАНДР ШАРАВИН** отметил, что, критикуя Россию, западная сторона не должна забывать о том, что Россия недавно встала на демократический путь развития. 15 лет – это достаточно короткий период времени. До сих пор российское государство самостоятельно строило демократию, причем, конечно, существуют проблемы в реализации. Г-н **РЫЖКОВ** отметил то, что демократизация – задача не Запада, а российского народа и политического класса. Задача ЕС и Германии – поддержка российского гражданского общества. При этом важная роль отведена германским политическим фондам. Кроме того, нужно развивать молодежные обмены. Экспорт демократии невозможен. Г-н **РЫЖКОВ** положительно оценил в этой связи встречу госпожи Меркель с представителями негосударственных организаций во время ее визита в Россию и проведение открытой дискуссии на тему прав человека и войны в Чечне. Это послужило важным сигналом того, что партнеры Германии находятся не только в Кремле.

Второе заседание:

Responsibility to protect?

Государственный распад как геостратегическая и гуманитарная проблема

На втором заседании после двух общих введений в тему была глубже рассмотрена проблема Кавказа. **ХАНС-ЙОАХИМ ШПАНГЕР** дал краткий обзор международной академической и политической дискуссии на тему распада государств. Широко употребляемый английский термин *state failure* переводится и как «государственная несостоятельность», и как «государственный распад». После событий 11 сентября 2001 года речь идет о проблеме государственной и политической безопасности глобального масштаба. До этого времени тема «несостоявшихся государств» (*failed states*) для стран Севера была только теоретической проблемой, хотя на Юге она уже давно стала «повседневным бедствием». Ввиду глобального значения темы «несостоявшихся государств» к ней обращаются многие международные организации. Так, она является частью стратегии безопасности ЕС, наряду с такими проблемами, как терроризм, оружие массового уничтожения, международная преступность. Организация экономического сотрудничества и развития, а также Всемирный банк определили список государств, с которыми затруднено взаимодействие и/ или государств с очень слабым экономическим развитием. Весной 2005 года были приняты «Парижские принципы» сотрудничества с «несостоявшимися государствами» и начаты пилотные проекты в государствах со слабым экономическим развитием, призванные преодолеть проблему ограниченной способности абсорбции в этих государствах. Кроме того, в ряде государств разрабатываются новые меры по предупреждению кризисов и по урегулированию конфликтов методом

«вовлеченного правительства» (*joined-up government*). А в декабре 2005 года Организацией Объединенных Наций была создана Комиссия по укреплению мира.

Классический пример «несостоявшегося государства» – и в узком смысле – единственный – это Сомали. Далее существует широкий спектр всевозможных комбинаций признаков государственной несостоятельности, наблюдающихся или наблюдавшихся во многих странах Африки, отчасти в странах Кавказа, например, в Грузии. Ранее в этом контексте упоминалась и Россия. Существует два подхода к определению понятия *failed state*. В классическом смысле определение «несостоявшихся государств» основано на теории Вебера о понятии государства как обладателя легитимной силовой монополии. Другое определение, которое применяется Организацией экономического сотрудничества и развития, измеряет эффективность государств. Согласно этой дефиниции «несостоявшимися

Рудольф Адам

государствами» являются те страны, правительства которых не хотят и не способны выполнять свои функции по обеспечению социальной и экономической безопасности и обладают ограниченной легитимностью. Из этого следуют разные диагнозы и пути решения, однако оба подхода должны прояснить вопрос о том, как слабость государственных структур может привести к распаду государства и как реагировать на такое развитие. Целью является определение так называемых ранних сигналов подобного развития и своевременной реакции на такие сигналы (*early warnings* и *early actions*). Здесь полезно различать (основополагающие) структурные проблемы и (причинные) процессуальные факторы. В первом случае речь идет о несовместимости государственной формы с гражданскими основами. Так как в обширных регионах бывшего Третьего мира общественные отношения основаны на личной лояльности, при искусственном переносе на эту основу рационального, западного государства произошел слом. Универсализация европейской модели государства привела к «нео-патримониализму» и злоупотреблению государственными институтами, которые зачастую являются единственными источниками доходов. Эти центральные проблемы обострились после окончания холодной войны, когда внешний клиентелизм Севера был прекращен, и в то же время началась пропаганда «разгосударствления» в рамках программ, направленных на создание и развитие адекватных государственных структур и на принцип *good governance*. До сих пор Россия, в отличие от Советского Союза, почти не принимала участия в процессе поддержки слабых государств. Но так как сегодня некоторые соседи России затронуты этой проблемой, существует острая необходимость кооперации по этому вопросу.

СЕРГЕЙ КАРАГАНОВ в своем выступлении сосредоточился на практическом измерении проблемы. Он провел различие между «несостоявшимися государствами» и «распадающимися государствами» (*failed states* и *failing states*). В качестве иллюстрации он

указал на развитие Организации Объединенных Наций. В 1945 году ООН насчитывала 50 стран-членов. В процессе деколонизации в 1950-ых и 1960-ых годах при поддержке США и Советского Союза возник целый ряд так называемых «псевдогосударств», которые никогда не смогут стать полноценными государствами и положение которых в настоящий момент характеризуется стагнацией или распадом. Так как от 50 до 60 процентов стран-членов ООН относятся к распадающимся государствам, ООН не может быть эффективным инструментом в решении этой проблемы. В течение последних 30 лет вопрос «несостоявшихся государств» активно обсуждался, и предлагались разные решения, от оказания экономической и гуманитарной помощи до образовательных программ. Эффект в большинстве случаев был невелик вследствие коррупции и безответственности местных элит, и возникли новые внутренние и внешние зависимости. Это можно объяснить тем, что культура и религия в этих регионах (в настоящее время – в отличие от средневековья – ислам), зачастую несовместима с современным понятием государства. Однако основная проблема – это страны расширенного Ближнего Востока, так как все эти государства – за немногими исключениями, такими как Иран – по сути можно отнести к «несостоявшимся» государствам. Иран же унаследовал многовековую культуру и государственность и в меньшей степени был подвержен колониальному влиянию. Последствия деградации государств очень серьезны: в случае Африки – это гуманитарная и экологическая проблемы. На Ближнем Востоке к этому прибавляется усиленная мобилизация масс и радикализация ислама, который превращается в тоталитарную религию. В этих странах явно выражен так называемый «Веймарский синдром», т.е. реакция проигравших стран в широком смысле слова. В определенной степени и Россия была 10 лет назад подвержена этому синдрому, однако успешно его преодолела.

Ситуация на Ближнем Востоке быстро ухудшается. Это чревато усилением угрозы терроризма, религиозными войнами и распространением ядерного оружия. Для России эта проблема стоит особенно остро, так как Россия граничит с государствами Закавказья и Средней Азии. Демократизация этого региона означает ускорение распада. Так, в Киргизии существовал «мягкий» авторитарный режим, а в результате криминальной революции к власти пришла наркомафия, и усилилось проникновение с южных территорий исламских элементов.

Какие существуют пути решения этих проблем? Первый путь – помощь, второй – навязывание порядка военным путем. Последний метод едва ли имеет шансы на успех, как показывает пример стран бывшей Югославии, Афганистана и Ирака. США совершили серьезную ошибку, пытаясь навязать демократию. Как только США выведут войска из Ирака, ситуация может эскалировать, что чревато распадом страны, так как на территории Ирака находятся все силы воинствующего исламского радикализма. Демократизация военным путем нереальна, необходимо как экономическое, так и политическое, а также культурное развитие.

Нужна общая стратегия, которой в настоящий момент не существует. При этом нужно учитывать, что Россия не готова действовать в интересах других стран. Наряду с налаживанием диалога с исламом следует предложить всем странам Ближнего Востока систему безопасности, гарантированную третьей стороной. Далее, важно поддерживать создание элит и сдерживать радикальные движения, в крайнем случае, и военным путем. Только с помощью общей стратегии можно остановить распад государства и предотвратить его международные последствия.

АЛЕКСАНДР ДЗАСОХОВ углубил тему на примере актуальных конфликтов на Кавказе, характерных для региона со времени распада Советского Союза. Кавказ по плотности конфликтных ситуаций и остроте социальных вопросов, бесспорно, заслуживает внимания международного сообщества. Южно-кавказские политики усиливают позиции с помощью Запада; но ослабление российского влияния дает большие возможности дискриминации меньшинств. Россия сильно сомневается в возможности под «камуфляжем» демократического движения и с помощью принятия этих стран в НАТО достичь желаемого успеха.

Россия ожидает от Европы понимания российских национальных интересов на Кавказе и того, что Россия не может самоустраниться, так как этнополитическая обстановка на Северном и Южном Кавказе сильно переплетена. Необходимы совместные действия. Базой может стать пакт стабильности для Кавказа, который обсуждался в ЕС и в Германии. Основные позиции совместных действий были отражены в декларации о борьбе с терроризмом, подписанной Шредером и Путиным в сентябре 2004 года после резни в Беслане. Наконец, Россия ожидает отказа от двойных стандартов. Участие в восстановлении Чечни вносит вклад в создание стабильности в регионе. Однако нельзя ограничиваться только территорией Чечни; необходимо работать и на приграничных территориях, даже если это связано с риском. Германия имеет опыт проектов в области экологии в Армении и Азербайджане. Россия могла бы стать важным звеном в осуществлении таких проектов. Однако это предполагает отказ от попыток игнорировать Россию, которые имели место при строительстве трубопроводов и в инфраструктурных проектах в начале 1990-х годов, когда Россия находилась в нестабильном состоянии. Это неразумно и для южно-кавказских народов, и для европейских стран.

Эвальд Бельке

Открывая дискуссию о постулате демократии, **КАРСТЕН ФОГТ** подчеркнул, что, по мнению США, демократия присуща человеку и поэтому не может быть навязана. Однако этому противоречит немецкий и российский опыт. Он призвал к проведению дискуссии на тему демократизации с учетом реальных условий. Такой дискуссии еще не существует, в первую очередь в отношении мусульманских государств. Вместо этого обычно знакомые модели автоматически переносятся на новую почву, а участники дискуссии не могут найти общий язык. Так, в вопросе религии нужно, с одной стороны учитывать взаимодействие между правом, государством и религией, а с другой стороны, между религией и личностью.

Также важно взаимодействие между государством, демократией и международным устройством. После Вестфальского мира государство стало главной упорядочивающей силой, но вестфальскую систему невозможно сохранить в условиях глобализации. Возникает вопрос о том, можно ли обеспечить порядок, например, в Африке, опираясь на классическое понимание государства, или же следует применять другие принципы.

ЭРНСТ-ЙОРГ ФОН ШТУДНИЦ, в отличие от г-на **ФОГТА**, выразил мнение, что не следует принижать значение государства. Ключевое значение в качестве стабилизирующего фактора имеет единая монополия на применение силы на территории страны. Важно поддерживать ответственных лиц при выполнении государственного долга – обеспечения внешнего и внутреннего мира. Г-н **ФОН ШТУДНИЦ** согласился с тем, что модель демократии не везде может выполнять эту функцию. Для международного мира и порядка важнее существование легитимного устройства. В эпоху глобализации невозможно провести черту и игнорировать все проблемы по ту сторону границы. Международному сообществу нужен порядок. Поэтому больше нельзя рассматривать принцип невмешательства как священную корову, так как этим злоупотребляют разные режимы. Необходима правовая основа для интервенций.

КЛАУС ВИТТМАНН поддержал мнение многих выступавших о том, что международное право должно развиваться. Но результаты большинства интервенций нельзя охарактеризовать как успешные. При несостоятельности государства, помимо упомянутых г-ном **ШПАНГЕРОМ** структурных факторов, имеет значение СПИД и социально-экономические аспекты. Наконец, важно учитывать приватизацию силы и роль западных компаний в разработке ресурсов.

ВОЛЬФРАМ ШРЕТТЛЬ отметил, что существовал целый ряд *failed therapies for failed states* (несостоявшихся программ помощи несостоявшимся государствам). Он высказался против права интервенции, к которому призывал г-н **ФОН ШТУДНИЦ**. К тому же, распад государства – не всегда отрицательное явление, например, когда распадается искусственное соединение. Если государство не обеспечивает общего компромисса, предпочтительней «цивилизованный развод».

МИХАИЛ ДЕЛЯГИН критически отнесся к культурологическому подходу и выразил мнение, что культурные различия не играют такой роли, как политические и экономические факторы. Он высказал тезис, что именно экспансия западных стран, которыми был создан современный мировой порядок, разрушает новые и менее развитые государства и не позволяет им развиваться. Расширение глобального рынка приводит к разрушению экономики слабых стран. Демократические институты в слаборазвитых странах ведут к катастрофе, т.е. к возникновению фундаментализма и диктатур. Запад признает только те формы, нормы и понятия, которые существуют в развитых промышленных странах. Это относится и к России, которую вынуждают следовать европейским стандартам, не предлагая перспективы членства в ЕС.

ГЕРТ ВАЙСКИРХЕН призвал к более критической оценке собственного опыта. Государственность – это конструкция для упорядочения человеческой деятельности. Но даже если это вспомогательная конструкция, ее нужно использовать, если нет лучшего решения. Важно создать системы на региональном уровне, позволяющие людям удовлетворить свои потребности, реализовать себя и уменьшить асимметрию между регионами. Это актуально как раз в отношении Чечни. Если национальное государство не может решить конфликт, почему бы не попробовать региональный подход?

По мнению **ПАВЛА ЗОЛОТАРЕВА**, тоталитаризм помог России предотвратить государственный распад. Но переход от тоталитаризма к демократии не удался. Коммунистическая партия, правда, потеряла власть, но «боевой» отряд КГБ сумел ее сохранить, а также финансовые средства и механизм формирования кадров. В результате Путин пришел к власти. По мнению г-на **ЗОЛОТАРЕВА**, авторитаризм помогает предотвратить распад государства, но это – путь в тупик, так как без демократии невозможно развитие государства. Безусловно, «импорт» демократии невозможен, но западные страны могут оказать поддержку. В случае бывших республик СССР – необходимо осторожнее подходить к процессу внедрения демократии, иногда временная поддержка авторитаризма приносит более позитивные результаты.

ЭВАЛЬД БЕЛЬКЕ обратился к теме арабского региона, общества которого очень неоднородны. И в этом регионе было начато много реформ. Важно принимать во внимание внутренние реформаторские силы. **ДИТРИХ ШПЕРЛИНГ** заметил, что религия не поддается намеренному реформированию. «Несостоявшиеся государства», в том числе и на Южном Кавказе – являются результатом процесса колонизации и деколонизации. В этом контексте г-н **Дзасохов** указал на различия между возникновением британского и французского колониализма, с одной, и русской империи, с другой стороны. Одним из основных отличий была индустриализация периферии, проводимая Советским Союзом.

СЕРГЕЙ МАРКОВ подчеркнул, что демократия не ограничивается процедурными свойствами, а должна оцениваться по результатам, например, по возможности удовлетворения потребностей. Оказание помощи «несостоявшимся» государствам возможно. Так, в Таджикистане Россия взяла на себя военную и политическую ответственность, в результате чего была восстановлена государственность, несмотря на растущее давление со стороны афганской наркомафии. В Афганистане и Таджикистане – в отличие от Чечни – необходимо международное сотрудничество. Нужно защитить границы и остановить торговлю наркотиками. И в Киргизии, где нет действенного центрального правительства, Россия не готова самостоятельно брать на себя ответственность. Сотрудничество с ЕС в этом регионе могло бы дать положительные результаты. В связи с этим **ТОРСТЕН КЭЛЕР** осведомился об актуальной ситуации в Чечне и Дагестане, на что г-н **КАРАГАНОВ** ответил, что проблема Чечни решена. В районе нет сепаратистских течений, и вопрос о выходе Чечни из состава России больше не стоит.

АНДРЕЙ ЗАГОРСКИЙ поддержал позицию г-на **МАРКОВА**. Развитие демократии невозможно без ответственности управления по принципу *good governance*. Однако есть и положительные примеры. Демократическая смена власти в Сенегале подтверждает, что и страны Африки не чужды демократическим преобразованиям. В отношении Таджикистана, по мнению г-на **ЗАГОРСКОГО**, нельзя говорить об успехе, так как все еще существует значительная опасность, что Таджикистан станет «несостоявшимся государством».

ВИЛЬХЕЛЬМ ХАНКЕЛЬ призвал к тому, чтобы обратить взгляд на немецкую историю. Она демонстрирует

разницу между понятиями «демократия» и «правовое государство», причем последнее важнее. Кроме того, необходима секуляризация. При этом нельзя братья за проблемы, которые мы не в состоянии решить. Г-н **КАРАГАНОВ** согласился с ним в том смысле, что представление о том, что демократия может победить коррупцию, имеет анекдотический характер. А в диктатурах Сингапура и Малайзии, напротив, уровень коррупции не высок.

Г-н **ШПАНГЕР** в заключение отметил, что государства создавались в результате войн, связанных с распадом феодального порядка. Если такая интерпретация правомерна, «несостоявшиеся государства» - это запоздалая тенденция образования государств. С другой стороны, сегодня абсорбция слабых государств сильными государствами, характеризовавшая становление европейских государств, невозможна по международным законам. Поддержка социально-экономического развития «несостоявшихся государств» едва ли возможна. К тому же, Всемирный банк и другие международные организации коренным образом изменили подход к теме демократического развития. Если ранее создание демократического общества являлось целью сотрудничества, то на сегодняшний день демократия в странах является условием для начала сотрудничества.

Третье заседание:

Политика европейских энергетических и коммуникационных путей

Споры по поводу строительства Балтийского газопровода и российско-украинский газовый кризис прошлой зимы подчеркнули актуальность экономической темы нынешнего года, которая обсуждалась с точки зрения науки и бизнеса. **ВЛАДИМИР МИЛОВ**, отталкиваясь от дискуссии о том, на какой основе, двусторонней или многосторонней, должны строиться отношения стран в области энергетики, констатировал, что попытка рассматривать российско-германские отношения вне контекста ЕС – это опасная ошибка. Следующее заблуждение – считать российско-германские энергетические отношения успешными и рассчитывать на их гармоничное развитие в будущем. Система переживает «инфаркты», как показал украинский кризис и перебои поставок в феврале 2006 г. Это – следствие решений, принятых в начале 1990ых, т.е. основания «Газпрома». Тогда господствовало убеждение, что только большая государственная компания в состоянии выполнить все задачи. Этой зимой Россия стояла на грани фатального дефицита газа в период наивысшего спроса. При этом пострадали как Россия, так и ЕС, а также транзитные государства Украина и Беларусь. В таких условиях нельзя говорить об успешных отношениях.

В то же время немецкие компании обеспечили себе доступ к российским ресурсам, пытаясь сохранить позицию на европейском рынке, и заключили отдельные соглашения с «Газпромом», которые чреваты проблемами и могут быть изменены в любой момент. Из финансовых соображений было бы лучше создать общие правила доступа на рынок.

Неверно рассматривать Балтийский газопровод как российско-германский проект, так как, прежде всего, для России это доступ на очень привлекательный

британский рынок. Более экономичная альтернатива – ямалский газопровод – нереальна, так как «Газпром» не может договориться с Польшей. Недовольство других европейских стран в связи с Балтийским газопроводом в настоящий момент игнорируется, но следует задаться вопросом, насколько это возможно в дальнейшем. В заключение г-н **МИЛОВ** подчеркнул, что, исходя из вышесказанного и с учетом того, что энергетические ресурсы крайне неравномерно распределены, необходимо создать в этой области международно-правовую базу.

Владимир Милов, Маттес Бубе

РОЛАНД ГЕТЦ согласился с господином **МИЛОВЫМ** в том, что российско-немецкие энергетические отношения необходимо рассматривать в контексте ЕС. Он подчеркнул, что после США Европа является одним из важнейших потребителей энергии. Ввиду уменьшения внутренней добычи растет зависимость от импорта. Поэтому встает вопрос о том, какие ресурсы и в каком объеме будут нужны в будущем. Нефть все чаще заменяется газом, так что потребление нефти не будет расти. В то же время происходит диверсификация поставщиков нефти, Ближний Восток теряет значение. Это смягчает проблему зависимости. В отношении газа дело обстоит иначе. Это – региональный товар. Только жидкий газ, доля которого, вероятно, вырастет с 10 до 30 процентов, закупается на мировом рынке. На сегодняшний день Европа покрывает 2/3 потребления газа с помощью поставок из России, оставшаяся треть поставляется из Алжира.

Г-н **ГЕТЦ**, в отличие от г-на **МИЛОВА**, не видит серьезных проблем в вопросе поставок энергоресурсов из России в Германию: не существует ни геологических, ни террористических опасностей. Россия отдает себе полный отчет в зависимости от потребителей и в том, что альтернатив не существует. Между Европой и Россией существует обоюдная зависимость. Шантаж возможен только по отношению к малым государствам, и невозможен по отношению к Украине, через которую проходит 80% всех трубопроводов. Переориентировка России на Китай в обозримом будущем невозможна ввиду большого объема необходимых инвестиций и низкой рентабельности. В долгосрочной перспективе, возможно, одна треть российского газа будет поставляться на Восток, а две трети – в Европу. Китай будет импортировать газ, в первую очередь, из Центральной Азии. Казахстан и Азербайджан повысят объем добычи нефти, Туркменистан и Казахстан увеличат добычу газа, однако это не будет иметь большого значения для Европы.

Г-н **ГЕТЦ** согласился с г-ном **МИЛОВЫМ** в том, что у Энергетической Хартии нет шансов. Без прямого вмешательства Путина Хартия не будет ратифицирована. Европа должна

быть заинтересована в повышении эффективности энергетики, в том числе и в России. Россия потребляет две трети добываемого газа, и, если эта тенденция не изменится, возможности экспорта сильно понизятся.

РАЙНЕР ХАРТМАНН подчеркнул, что средствами массовой информации создается много шума вокруг поставок газа, хотя они стабильны уже в течение 33 лет. Дискуссия на тему договоров и поставок отчасти искусственно создана брюссельскими декретами. Газ -

свободно продаваемый и покупаемый продукт на конкурентном рынке. Безусловно, важна безопасность поставок, но и производителям нужна уверенность в стабильности спроса.

Говоря о газовом конфликте с Украиной, нельзя упускать из виду, что «Газпром» постоянно находился в переговорах с украинской стороной о продлении договора о поставках газа. Украинская сторона сама отсрочила переговоры и настояла на ежегодных соглашениях. 31 декабря не существовало договора, так что любые поставки в Украину рассматривались бы российским законом как контрабанда. Украина сделала высокую ставку; дело было не только в цене. «Газпром», в свою очередь, вел себя настолько неловко, что сейчас тема безопасности поставок снова находится на повестке дня.

Райнер Хартманн

В будущем возникнут проблемы с поставкой, так как объем внутреннего потребления в России недооценивается и растет быстрыми темпами. Если ЕС подчеркивает, что объем импорта не нужно увеличивать вследствие необходимости диверсификации, нормальной реакцией России является поиск новых рынков сбыта. Ни ЕС, ни Германия сегодня не имеют долгосрочной энергетической политики. Нужно искать новые модели сотрудничества. «Газпром» проникает на рынки стран ЕС и пользуется возможностями, которые предоставляет либерализация. При этом «Газпром» заинтересован в обмене активами, т.е. в обеспечении участия компаний Европейского Союза в российских проектах в обмен на участие «Газпрома» в продаже газа конечному потребителю, как самой прибыльной области.

ЮРГЕН МЕПЕРТ, открывая дискуссии, подчеркнул, что компания «Винтерсхалл» не сталкивалась с проблемами, о которых упоминал г-н **МИЛОВ**. Концепция сотрудничества между концернами «Газпром» и «Винтерсхалл» основана на рыночных отношениях. Она включает в себя совместную продажу в Германии. Три года назад концерны основали первое совместное предприятие по добыче и продаже газа. Сегодня «Газпром» рассчитывает на получение половины акций (в настоящее время концерн владеет 35-процентным пакетом акций). Поэтому концерны пришли к соглашению об основании компании «Вингаз Европа» на равных паях. Это касается не только российско-германских отношений, но и всего европейского рынка. Преимущество такой модели в том, что «Газпром», таким образом, участвует в риске. Балтийский газопровод был задуман в 2000 году, когда президент Путин и глава Комиссии ЕС Романо Проди постановили удвоить поставки газа в Европу. В оценке кризиса на Украине г-н **МЕПЕРТ** поддержал г-на **ХАРТМАННА**. Этот кризис показал, как важно построить газохранилища в Великобритании и в Австрии, чтобы застраховаться от перебоев в будущем.

ХАННЕС АДОМАЙТ выразил сомнение в стараниях «Газпрома» гарантировать безопасность поставок. В случае Украины речь шла в равной мере и о контроле над транспортными путями, то есть над компанией «Укртранснефтегаз». В случае Беларуси были прерваны поставки газа до тех пор, пока в перспективе не появился контроль над компанией «Белгаз». **ВОЛЬФРАМ ШРЕТТЛЬ** отметил, что по теме «Газпром» существует противоречивая информация. Все выступающие уверяли, что нет причин для беспокойства. Но даже если исходить из того, что «Газпром» является и останется надежным поставщиком, нельзя забывать о том, что в настоящий момент две трети поставок газа идут из России. Поэтому существует необходимость диверсификации

рисков, связанных с импортом газа. Вопрос заключается не в том, насколько безопасны российские поставки, а в том, какие существуют альтернативы. Те альтернативы, которые есть на сегодняшний день, дают недостаточно преимуществ, поэтому необходимо далее работать над этим вопросом.

МИХАИЛ ДЕЛЯГИН указал на сильное влияние, которое политика оказывает на стратегию «Газпрома». «Газпром» - это большая, солидная компания, но есть и колоссальные проблемы, поскольку компания принадлежит государству и используется в политических целях.

В центре дискуссии находились очерченные г-ном **МИЛОВЫМ** проблемы российского внутреннего рынка и перспективы двустороннего или многостороннего взаимодействия. **МАНФРЕД ЗАППЕР** осведомился, каким образом можно увеличить эффективное использование российской энергии при условии, что российская энергетическая элита продолжит получать выгоду от добычи энергии, а в самосознании заложено ее неэкономное использование. **ОЛИВЕР ВИК** также сетовал на то, что экономного использования энергии в России не предвидится, так как цены все еще слишком низки. Г-н **ВИК** спросил г-на **ХАРТМАННА**, готовы ли «Е.ОН» и «Рургаз» интегрировать «Газпром» на рынке конечных потребителей. **АЛЕКСАНДР РАР** отметил, что энергия является стратегическим продуктом, и поинтересовался, последуют ли другие компании примеру «Винтерсхалл», или Германия останется единственным примером. **АКСЕЛЬ ЛЕБАН** осведомился у немецких компаний, снижается ли надежность российских поставок энергии. Он подчеркнул, что, по его мнению, во времена Советского Союза надежность поставок была намного выше. На сегодняшний день было уже, по меньшей мере, два случая перебоев.

В заключительном слове г-н **ХАРТМАНН** подчеркнул, что при переговорах о поставках транспортные пути в Украине не играли никакой роли. Договоры о поставках были урегулированы с Россией в двустороннем порядке, после того как переговоры между Россией, Украиной и Германией не привели к успеху. «Рургаз» преследует другую модель сотрудничества, чем «Винтерсхалл». «Рургаз» инвестирует в «Газпром» (в настоящий момент капиталовложение составляет 6%) но не предлагает «Газпрому» собственных акций. Переговоры по капиталовложению в газопровод в Венгрии в обмен на участие концерна «Е.ОН» в месторождении «Южнорусское» еще не завершены. Эффективное использование энергии имеет большое значение. В России существует огромный потенциал энергосбережения, который легче всего реализовать, отказавшись от государственных дотаций на внутреннем рынке. По поводу дискуссии о диверсификации транспортных путей г-н **ХАРТМАНН** напомнил о том, что украинский кризис был первым случаем, когда проблемы с поставками возникли не по вине поставщиков, а из-за транзитной стороны.

Г-н **ГЕТЦ** указал на то, что в будущем значимость стран Африки как поставщиков энергии повысится. Более высокие цены приведут к экономии энергии, а также к повышению привлекательности атомной энергии и угля. При этом нужны соответствующие политические решения. Г-н **МИЛОВ** в заключение отметил, что проблемы прошлого года будут возникать снова, так как они не случайны, а имеют систематический характер. В течение следующих 15 лет мы столкнемся с дефицитом газа. Проблемы в России

серьезней, чем кажется на первый взгляд. С экономической точки зрения диверсификация поставок энергии в Западную Европу не имеет смысла. Но Россия должна стать более надежным поставщиком, чтобы сохранить свои позиции в будущем.

Четвертое заседание:

Ось или Веймарский треугольник: Польша в российско-германских отношениях

Во время Шлангенбадских бесед прошлых лет российская сторона не раз высказывала опасение, что расширение ЕС и, прежде всего, принятие Польши в Евросоюз, отрицательно отразится на внешней политике ЕС по отношению к России. Действительно, с точки зрения России, на это указывает многое, например, посредничество польского президента во время оранжевой революции в Украине, вызвавшее неудовольствие в Москве. То же можно сказать о польской реакции на немецко-российский Балтийский газопровод. Это ощущение усилилось после последних выборов в Польше, которые привели к власти правительство и президента, строящих внешнюю политику, прежде всего, на конфронтации с Россией и Германией. Новый президент Польши, господин Качиньский, отправился с официальным визитом, в первую очередь, в Рим и в США, а не в соседние страны, как это обычно практикуется. Но так как важно говорить не только друг о друге, а друг с другом, заседание открыл представитель Польши - **АНДЖЕЙ САКСОН**, директор Института Запада в Познани – и германский специалист по Польше – **ДИТЕР БИНГЕН**, директор Германского института по исследованию проблем Польши в Дармштадте.

Г-н **САКСОН** в начале своего выступления указал на то, в мае 2004 года Польша достигла важной стратегической цели – вступления в ЕС и в НАТО. Таким образом, политическое позиционирование Польши в настоящий момент лучше, чем когда-либо за последние 200 лет. Особые отношения между Россией и Германией вызывают беспокойство среди польской общественности, так как сложная история оставила скрытые обиды и страх перед российской и германской экспансией. Однако ни один политик в Польше не демонизирует сотрудничество России и Германии. Однако Германия в польской внешней политике занимает место, отличное от России. Польша рассматривает Германию как союзника, и, по мнению польских аналитиков, в Германии нет тенденции к смене актуальной ориентации внешней политики. Позиция России в польской внешней политике не опирается на подобные политические и правовые предпосылки. К тому же, существуют опасения и недоверие, основывающиеся как на прошлых событиях, так и на анализе актуальной российской политики по отношению к Польше. Так, показательно, что во время празднования 60-летия Дня Победы президент Путин ни одним словом не упомянул вклад Польши и польских с

Польша понимает энергетические интересы. В конце концов, Польша поддерживала российскую политику, на случае, в Балтийском проекте польские

господина Шредера по отношению к политике России в Чечне и разрушению парламентаризма в России заслуживают критики.

Особое беспокойство в Польше вызывает раскол трансатлантических отношений, как в случае с войной в Ираке. Тогда возникла конфронтация между союзом Германии, Франции и России с одной стороны и Польшей и США с другой стороны, сопровождавшаяся множеством недоразумений. Поэтому Польша довольна сменой власти в Германии и политикой госпожи Меркель, направленной на ослабление оси Франция – Германия – Россия и на улучшение германско-американских отношений. Польша заинтересована в таком развитии. Безусловно, сохранятся хорошие отношения между Россией и Германией. И Польша заинтересована в хороших отношениях как с Германией, так и с Россией. Обострение отношений между Москвой и Варшавой было вызвано, прежде всего, позицией Польши по отношению к Украине и Беларуси. Здесь польская политика расходится с политикой других стран – членов ЕС, которые с беспокойством отреагировали на оранжевую революцию, считая СНГ российской сферой влияния. Но польская политика направлена не против России, а на поддержку Беларуси, Украины и демократии.

Дитер Бинген

ДИТЕР БИНГЕН посвятил свое выступление роли России в германско-польских отношениях. Для понимания этих отношений необходимо рассмотреть исторические события, но нельзя попадать в кабалу истории. В послевоенное время направленность политики Германии ярко отражала стремление к Европейской интеграции. С 1989 прослеживается укрепление такой политики. Стало возможным начало новой главы в отношениях с Польшей и взгляд на Польшу как на важного стратегического партнера. Вследствие этого был создан так называемый «Веймарский треугольник», объединивший Польшу, Германию и Францию, что еще раз подчеркнуло значение Польши в германской Европейской политике.

Стратегическое партнерство между Россией и

Германией носит другой характер, чем отношения между Германией и Польшей. Россия, как одна из мощных мировых держав, не стремится к интеграции. В то же время, существует общность интересов Германии и Польши, которые заинтересованы в том, чтобы избежать новых расколов в Европе, прежде всего, по отношению к Украине и Беларуси.

Целью должно стать единство польских и германских интересов в вопросах восточноевропейской внешней политики. Оба государства заинтересованы в поддержке развития демократии и гражданского общества как в Украине и Беларуси, так и в самой России. Проблема заключается в том, что Россия рассматривает политику такого рода как вмешательство в ее сферы влияния под предлогом интеграции и сближения с ЕС. В российском восприятии это – игра с нулевой суммой, причем Польша в значительно

большей степени, чем Германия, воспринимается как «нарушитель покоя». В действительности, по этим вопросам существуют разногласия и между Польшей и Германией. В Польше сильнее выражены геостратегические рассуждения. С другой стороны, позиции Германии и Польши в отношении Украины и Беларуси схожи, так как обе стороны выразили полную солидарность с демократическими движениями в этих странах.

Ухудшение российско-германских отношений невыгодно также и для Польши. Поэтому стратегическое партнерство между Россией и Германией не вызывает автоматического недоверия. Но и политика Польши должна быть предсказуемой, в чем последние события в Польше заставляют сомневаться. В этом отношении визит нового президента Польши в Берлин был важным шагом. Можно ожидать, что внутренняя политика Польши находится на пути консолидации, и что внутренние разногласия не будут отражаться на внешней политике. В заключении г-н **БИНГЕН** подчеркнул необходимость диалога между представителями трех стран, для того, чтобы устранить недоразумения и совместными усилиями достичь улучшения отношений между Польшей, Германией и Россией, несмотря на разницу в интересах.

По мнению **СЕРГЕЯ МАРКОВА**, эмоции, порожденные сложной историей, чрезмерно влияют на польско-российские отношения, затрудняя рациональный анализ и сотрудничество. Речь идет о психологическом комплексе, ведь конфликта интересов между Россией и Польшей не существует. Поскольку прямого конфликта нет, его ищут в прошлом. Пока обе стороны не начнут спокойно, без эмоций говорить об истории, самое конструктивное предложение – о ней забыть. В связи с этим г-н **МАРКОВ** перечислил ряд мифов, существующих с обеих сторон. В России господствуют следующие предубеждения:

- Хотя Польша является суверенным государством, она не ведет независимой внешней политики. Это согласуется с тем фактом, что в начале 90ых годов Россия вычеркнула для себя существование Польши и не проводила внешней политики по отношению к этой стране.
- Польша по историческим причинам антироссийская страна. В подтверждение этого мифа в России вместо дня революции 7 ноября с 2005 года празднуют 4 ноября – годовщину изгнания польского военного гарнизона из Кремля в 1612 году.
- Любое выступление польского политика будет антироссийским.
- Польша стремится к возведению антироссийских кордонов.

Этому соответствуют польские мифы:

- Россия - исторический враг Польши.
- Россия мечтает о реванше за освобождение Польши.
- Русские - варвары, а Польша - оплот Европы; границы Европы проходят по восточным польским границам.
- Миф о Великой Польше: без Украины Польша «кошка», а с Украиной - «тигр».

Ввиду этих предубеждений необходимо наладить диалог между Польшей и Россией. При этом нужно ориентироваться на положительный опыт германско-французских и германско-польских отношений. В экономическом плане нет противоречий между Россией и Польшей, проблемы касаются вопросов внешней политики. Польша представляет интересы США внутри ЕС в целях повышения собственного статуса. К тому же, Польша опасается, что политика ЕС по отношению к России не будет учитывать польских интересов.

Г-н **МАРКОВ** отметил, что он не считает, что Россия имеет стабильную демократическую систему, поэтому критика вполне приемлема, однако критика конструктивная. **Дитер Бинген, Сергей Марков** Российская формула демократии, ориентируясь на европейские стандарты и модели, следует по собственному пути. Утверждать, что во время Ельцина в России была демократия, а в настоящий момент Россия уходит от демократического развития, неправильно. В 90ые годы при Ельцине в стране была не демократия, а хаос и беспорядок. Поэтому нельзя сказать, что при Путине все стало хуже.

УЛЬРИХ БРАНДЕНБУРГ также указал на то, что эмоции и чувства имеют особое значение в германо-польско-российском треугольнике. После 1945 Германия поэтапно, с постоянным привлечением мультилатеральных структур, восстановила свой суверенитет. При этом о существовании германского особого пути не могло быть и речи, и его отвержение стало чуть ли не ритуальным «заклинанием». Германия склонна высоко оценивать исторический опыт и поэтому отчасти слишком мало внимания уделяет двусторонним отношениям. Россия до сих пор травмирована распадом Советского Союза, который был воспринят не как «освобождение», а как «поражение» в холодной войне. Страна до сих пор испытывает фантомные боли. В то же время, прежде всего, благодаря высоким ценам на газ и нефть, растет и политическое самосознание России. Долгое время в России не существовало внешней политики по отношению к Польше, как и по отношению к другим бывшим «вассалам». Россия слишком большая страна, чтобы быть вовлеченной в мультилатеральные структуры, однако и ЕС не разработал интеграционных планов по отношению к России.

У Польши был отрицательный опыт как с Россией, так и с Германией, поэтому период 1989-1991 годов стал для этой страны настоящим освобождением. Стремление Польши стать членом Совета Европы, ЕС и НАТО были отчасти обоснованы желанием отдалиться от России. Теперь Польше нужно научиться частично отказаться от недавно приобретенного суверенитета в рамках ЕС. Хотя в Польше история переживается наиболее интенсивно, и еще существуют как антироссийские, так и антигерманские

настроения, она заинтересована в хороших отношениях между Россией и Германией. В связи с этим г-н **БРАНДЕНБУРГ** задал вопрос о том, могут ли отношения между тремя странами развиваться в формате «Варшавского треугольника». Он дал оптимистическую оценку, в том случае, если удастся наполнить его содержанием.

Формат «Веймарского треугольника», который изначально имел целью поддержку Польши на ее пути к членству в ЕС, на сегодняшний день неактуален. Однако он вполне подошел бы, как одна из форм ведения диалога и нахождения компромисса между 25 членами ЕС, к примеру, по вопросу политики ЕС по отношению к Украине. Подобный формат может стать мостом между «старой» и «новой» Европой и вполне применим для диалога между ЕС и Россией. Понятие «оси» возникло в тот момент, когда во время кризиса в Ираке отказала мультилатеральная система.

КЛАУС-ДИТЕР БЕРГНЕР, открывая дискуссию, посетовал на то, что в области авиационной и космической промышленности Польша не присутствует не в одном из международных европейских комитетов. Все решения о поставках были приняты вразрез с предложениями европейских консорциумов, в пользу продукции США. Германское сотрудничество с Россией проходит гораздо лучше и основано на экономических соображениях, а не на эмоциях.

Ульрих Бранденбург

СЕРГЕЙ КАРАГАНОВ упомянул Украину и транзит в Западную Европу. Так называемая газовая война, в первую очередь, показала, что Украина вследствие недостаточной дееспособности руководства не соблюдает соглашений. В Украине развивается демократия, но еще на недостаточном уровне. Господин Ющенко не может справиться с олигархическими группами, поэтому безопасность и надежность транзита через Украину в Европу не гарантирована. Именно на это направлена российская критика. Беларусь под руководством Лукашенко тоже не является надежным партнером. Поэтому решение о строительстве Балтийского газопровода является не антипольским, а рациональным. По поводу российского отношения к Польше г-н **КАРАГАНОВ** заметил, что российские попытки наладить отношения не принимаются с польской стороны. Это объясняется психологическими проблемами поляков, которые ориентируются на историю, а не на актуальные возможности. Польша играет отрицательную роль в отношениях России и ЕС и поэтому не должна обижаться на соответствующие реакции со стороны России. Стремление Польши играть ведущую роль в общеевропейской внешней политике – это фикция, которая парадоксальным образом сочетается с ренационализацией – что соответствует общей тенденции ухода крупных европейских государств от фокусирования на создание общеевропейской внешней политики.

ЭВАЛЬД БЕЛЬКЕ указал на то, что польское общество в своем развитии опережает политический класс: так, польские предприятия воспринимают именно экономические преимущества сотрудничества с Россией. Как подчеркнул **ЮРГЕН МЕПЕРТ**, это справедливо и в отношении энергетической политики. Строительство Балтийского газопровода – это дальнейшая диверсификация транспортных путей, а при строительстве ямалского газопровода в полной мере учитывались польские интересы. В том же направлении высказался г-н **ФРАНК ШАУФФ**. Он указал на большую разницу между польским взглядом на Германию и германским взглядом на Польшу. В Германии на официальном уровне нет антипольских выступлений. В Польше же используется другая риторика. Политики мобилизуют антигерманские настроения, причем это расходится с мнением населения, в котором преобладает гораздо более спокойное отношение к Германии.

МИХАИЛ ДЕЛЯГИН присоединился к высказываниям г-на **МАРКОВА** о том, что российско-польские проблемы надуманы. С польской стороны любое международное выступление России воспринимается как антипольское. Подобное восприятие имеет психологические,

а не экономические основания. В политическом плане Польша может негативно повлиять на развитие отношений между Россией и ЕС, но это проблема, которую должен решить ЕС. Россия имеет возможность переориентировки на более корректных партнеров, к примеру, на Китай. В конце концов, Польша не только ненадежна, но и

неважна.

ЭРНСТ-ЙОРГ ФОН ШТУДНИТЦ на это заметил, что высказывания г-на **ДЕЛЯГИНА**, а также г-на **МАРКОВА** и г-на **КАРАГАНОВА** настораживают. Они, в конце концов, сводятся к тому, что Россия не нуждается в Польше. Это вызывает беспокойство в Европе. С другой стороны, Польша производит впечатление, что ей не нужна Европа, пока существует партнерство с США. Но таким образом Польша упускает возможность сыграть важную роль в Центральной Европе. Это, в свою очередь, отражается на позиции России. Германия в рамках послевоенной политики стремилась к тому, чтобы стать важным партнером в Европе. Для Польши также необходимо переосмыслить свою роль в Европе и не обманывать ожидания важнейших европейских соседей. Когда в результате решения принимаются без вовлечения Польши, это вызывает громкий протест. Поэтому важен совместный диалог, для того, чтобы найти практические решения проблем и также для того, чтобы и россияне отказались от идеи несущественности Польши.

К вопросу о неоконченной истории **ГЮНТЕР ЙОТЦЕ** заметил, что в определенной мере происходит нацеленное планирование эмоций и воспоминаний об исторических событиях. Он также задал вопрос о том, насколько реалистичны геополитические представления Польши и как Польша представляет себе принятие Украины в НАТО и интеграцию в ЕС. **МАТТЕС БУБЕ** в связи с этим подчеркнул, что мораторий на историю является утопией. Блокада истории препятствует развитию доверительных отношений. С другой стороны, нельзя основываться в политических действиях только на истории, как это делается в странах Балтики и в Польше. **МАНФРЕД ЗАППЕР** подчеркнул, что решающее значение имеет, кто из сторон подведет черту в данной дискуссии, «преступники» или «жертвы». На это г-н **МАРКОВ** ответил, что нельзя сравнивать бывший СССР и нацистскую Германию и роль этих стран по отношению к Польше во второй мировой войне.

Г-н **БИНГЕН** также указал на опасность фиксирования на истории. С другой стороны, предпосылкой успешного диалога немецких и польских историков был критический анализ собственного исторического прошлого. При этом важно взаимное уважение и признание собеседников. На это указал и **РУДОЛЬФ АДАМ**, приведя пример создания в 70-ых годах совместной германско-польской комиссии по разработке школьных учебников, которая пришла к сближению в вопросе отображения исторического прошлого. Речь шла

об общем истолковании событий, а не о сведении счетов. На вопрос об актуальной ситуации в Польше г-н **БИНГЕН** ответил, указав на то, что польское общество в целом больше стремится к уравновешенным отношениям со всеми соседними странами. В то же время в некоторых политических кругах и средствах массовой информации господствует параноидальное отношение к Германии.

Хайнц Тиммерманн указал на растущее согласие в германской и польской политике по такому деликатному для российско-германских отношений вопросу, как Беларусь. Польша с прошлого года участвует в Минском форуме, который проводит Германия с представителями оппозиции и правительства Беларуси. Целью данной инициативы является разработка программы действий по демократической трансформации Беларуси. Из этого вытекает вопрос о том, как интегрировать Беларусь в политику нового соседства ЕС, учитывая при этом и интересы России. Похожий вопрос задал **Гюнтер Хелльманн**, указав на тот факт, что Россия стремится к двусторонним отношениям с Европой, в то время как Польша к мультилатеральным, к примеру, в рамках НАТО. В связи с этим он задал вопрос о том, заинтересована ли Германия в создании треугольника и какие стимулы она может создать для Польши и России.

Павел Золотарев отметил, что между Москвой и Западом можно провести параллель: и Россия, и Запад пытаются построить демократию сверху вниз, Россия у себя дома, а Запад в Украине и Грузии, чем он очень гордится. Но на самом деле демократия существует только на словах. По вопросу взаимоотношений с Польшей существуют, по его мнению, проблемы, связанные не только с историей, а с реальным конфликтом интересов. Так, президент Польши в свое время предложил США расположить на территории Польши военное оружие и радары, тем самым провоцируя расширение НАТО на Восток. Основное опасение России – это вытеснение ее с рынка современного вооружения, и Польша является этом конфликте основным проводником.

В заключение г-н **Саксон** высказал убеждение в том, что Германия, Польша и Россия руководствуются национальными интересами. Но для Польши такая ситуация еще достаточно нова, так как эта страна до 1989 года находилась под влиянием Советского Союза. При этом Польше ясно, что Россия «наказывает» ее за позицию по отношению к Украине и Беларуси, преследуя по отношению к этим странам собственные интересы. С другой стороны, можно провести аналогию с германско-польскими отношениями: после воссоединения Германия приобрела стабильные границы. Польша находится в иной ситуации, прежде всего на востоке. Поэтому она стремится к дружественным отношениям с восточными соседями, к развитию в этих странах демократии и рыночной экономики. Что касается германско-польских отношений, то за историю взаимодействия этих стран был накоплен определенный «капитал», который поможет преодолеть настоящий кризис.